

УДК 94 (47).084.8

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭВАКУИРОВАННОГО И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© 2010 В.В. Федотов

Самарский государственный технический университет

Поступила в редакцию 04.12 2009

В статье рассматривается тема пребывания эвакуированного населения в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны, анализируются взаимоотношения эвакуированных с местным населением, показаны трудности и противоречия в социальной адаптации беженцев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, эвакуированное население, международные отношения.

Одним из факторов, обеспечивших победу советского народа в Великой Отечественной войне, стала эвакуация, позволившая спасти жизни миллионов людей и пополнившая рабочей силой и производственными мощностями экономику советского тыла. По данным Центрального справочного бюро, действовавшего при Совете по эвакуации, предварительным результатам переписи эвакуированного населения и другим источникам, из угрожаемой зоны удалось переместить в тыловые районы различными видами транспорта примерно 17 млн. человек¹, что в многонациональной стране не могло не сказаться на отношениях между представителями различных народов.

Однако изменения в этих взаимоотношениях оказались вне поля зрения отечественных историков, основное внимание сосредоточивших на анализе эвакуационного механизма, количественных и качественных результатах перевода в тыл огромного числа людей. Историки, специально занимавшиеся проблемами национальных отношений в СССР, вообще не затрагивали их в связи с эвакуацией. Расширение источниковой базы, введение в научный оборот ранее засекреченных документов позволяют сегодня несколько по-иному взглянуть на эти проблемы.

География эвакуированного населения, прибывающего в Среднее Поволжье, была исключительно широка. В целом по учётной номенклатуре значилось 22 административно-территориальные единицы. Среди них 8 союзных республик (включая РСФСР), 11 областей РСФСР, одна автономная республика, один край, два города – Москва и Ленинград. Вместе с тем, данная форма не учитывала географию всех приезжих лиц. Она была более представительной и при необходимо-

сти фиксировалась в учётных документах под названием “прочие области”. В межреспубликанском потоке эвакуированных самый значительный удельный вес занимали союзные республики – РСФСР, Украинская и Белорусская ССР. На их долю приходилось около 85% всех беженцев.

В годы войны наш край стал более многонациональным. Выборочный анализ, проведённый по архивным документам, свидетельствует, что наряду с русскими, украинцами, белорусами и евреями здесь оказались карелы, латыши, литовцы, эстонцы и другие. Например, в Пензенской области проживало 12,5 тыс. украинцев, 9340 белорусов, 800 литовцев, 390 молдаван, 270 латышей, 144 эстонца².

На территории Среднего Поволжья были размещены и жители других государств. Одной из иностранных групп, прибывших в Куйбышевскую область, являлись жители Белостока, Варшавы, Люблина, Остроленска и других городов и населённых пунктов Польши. К весне 1944 г. количество польских граждан, проживающих в области, составляло около 3 тысяч человек. В районах, где размещались польские граждане, были созданы комиссии по оказанию помощи эвакуированным полякам.

При размещении эвакуированного населения на территории региона старались учитывать следующие условия: во-первых, обеспеченность жилой площадью (как в городах, так и в сельских населённых пунктах); во-вторых, экономическая состоятельность колхозов, совхозов и других предприятий; в-третьих, возможности и потребности использования эвакуированных граждан для работы на заводах, фабриках, в артелях, в колхозах и совхозах. Однако в сложных условиях войны учёт этих данных проводился не всегда. Это служило причиной того, что в некоторых районных центрах, рабочих посёлках и в колхозах скапливалось эвакуированного населе-

*Федотов Виктор Владимирович, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества.
E-mail: fedotov-74@mail.ru*

ния больше, чем его можно было разместить. Поскольку первостепенное внимание уделялось расселению работников эвакуированных заводов и фабрик, в решениях местных органов власти регламентировались вопросы прописки и предоставления жилья в городах, определялись контингенты, подлежащие переселению в сельскую местность. Эта политика размещения эвакуированных вела к тому, что значительная их часть (женщины с детьми, престарелые) располагались в деревне.

Отношения между эвакуированными и местными жителями различных национальностей на бытовом уровне в целом можно охарактеризовать как дружелюбные. И все же, если мы хотим воссоздать объективную картину исторических событий, необходимо сказать о негативных явлениях, происходивших в тылу. Конечно, значительная часть волжан восприняла эвакуацию как народное бедствие, встретила приезжих сочувствием и помощью, добровольно потеснилась, приняла обездоленных и поделилась с ними всем, что имела. Другая часть лишь послушно исполняла предписания властей. Но были те, кто отнёсся к необходимости подселения эвакуированных или уж тем более своего переселения из прежнего жилья как к ущемлению своих прав и социальных гарантий. Большинство подобных трений возникало при подселении эвакуированных в частный сектор. Наиболее распространённым способом давления на беженцев стало взимание владельцами жилья платы за проживание с беженцев. В среднем размер этой платы составлял 50-150 рублей. Для многих эвакуированных это была большая сумма с учётом того, что пособие, которое они получали от государства, составляло в среднем около 200 рублей. В зимнее время собственники жилья дополнительно принуждали отапливать помещение также за счёт эвакуированных. Были и такие, которые любыми средствами пытались заставить уйти беженцев с их квартиры. Например, в Гвардейском сельском совете домовладелец в отсутствие родителей выгнал в тридцатиградусный мороз на улицу детей эвакуированной гражданки Кременковой³, в деревне Елизаветино Мокшанского района Пензенской области домохозяйка Амаева в январе сломала в доме печную трубу с целью выжить гражданку Иванову с двумя малолетними детьми⁴. Жительница Дубово-Умётского района Куйбышевской области гражданка Челнакова с целью выселить эвакуированную Юревич и её троих детей с квартиры «преднамеренно мыла мочой пол, в то время как её постояльцам разрешалось спать только на нём, в дом была помещена овца, которая по ночам испражнялась на спящих детей. На пищу эвакуирован-

ной семьи клаладохлую ворону и валенки для просушки»⁵. Парадоксально, но пример подобных действий зачастую показывали работники властных структур. Например, в Пензе работник облисполкома тов. Цвайкин учинял частые скандалы и предлагал освободить квартиру размещённой у него эвакуированной семье Горшковых⁶. Подобные примеры негуманного отношения довольно часто встречаются в архивных документах. Однако подавляющее большинство местных жителей соглашались на уплотнение добровольно. В противном случае к квартиросъёмщикам, не желавшим «уплотниться», беженцев заселяли с санкции прокуратуры.

Сопrotивлялись приёму эвакуированного населения и должностные лица, хотя именно от них зависела жизнь перемещённых граждан. Эти факты тоже находят подтверждение во многих документах. Часть руководителей местного уровня, не желая принимать на себя ответственность за судьбы беженцев, пыталась полностью уклониться от решения вопросов, связанных с материально-бытовым обслуживанием этой категории населения. К примеру, председатель Елизаветинского сельсовета Мокшанского района Пензенской области старался избавиться от эвакуированных граждан путём выдачи справок на выезд из района, объясняя это невозможностью обеспечить беженцев топливом⁷. В колхозе «Шаг вперёд» Телегинского района Пензенской области председатель правления т. Гридько в ответ на законные просьбы эвакуированных о помощи грубо предложил им распродавать одежду⁸. Были и такие, которые во многих эвакуированных видели фашистских пособников и «врагов народа». Так, один из работников Пензенского областного управления трудовых резервов на одном из собраний призывал к усилению бдительности, так как «...у нас по Управлению наблюдается отсутствие бдительности, что привело к тому, что мы приняли из числа эвакуированных в школы шпионов...»⁹.

Некоторые из должностных работников использовали своё служебное положение в корыстных целях, пытаясь нажиться за счёт материальных и продовольственных ресурсов, предназначенных для снабжения эвакуированного населения. В Чаадаевском районе заведующий отделом по гособеспечению тов. Кондратьев раздавал хлеб своим родственникам: свояченице Сабековой – 20 кг муки, дяде Калапушкину – 20 кг¹⁰. В ряде районов Куйбышевской области (Подбельский, Похвистневский) около 80% двухмесячного усиленного пайка, предназначенного для ленинградских детей, было расхищено¹¹.

И в городах, и в деревне имелись факты враждебного отношения к эвакуированным на наци-

онально-этнической почве. Особенно часто в документах упоминаются случаи бытового антисемитизма, причём в крайних формах. Документы показывают, что это были даже не единичные случаи, а довольно широко распространённое явление. Так, в Черниговском районе из-за своей национальной принадлежности незаконно были сняты с работы граждане Муха и Кокинзон¹². Для пресечения этих настроений и действий принимались решения о специальных собраниях населения, где следовало разъяснять недопустимость недружелюбного отношения к семьям эвакуированных. Наряду с мерами воспитательными применялись и репрессивные, особенно тогда, когда речь шла об оскорблениях в адрес номенклатурного слоя.

Подводя итоги, отметим, что межнациональные отношения в тыловых районах СССР в годы Великой Отечественной войны нельзя определить как однозначно позитивные: в них имелись

сложности и противоречия. Причинами негативных явлений в этой сфере, на мой взгляд, являлись снижение уровня жизни людей, вызванное экстремальными условиями военного времени; низкий уровень культуры населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Куманёв Г.А. Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995. С.7-12.

² Соловьёв В. Беженцы в Пензе в годы Великой Отечественной войны // Наша Пенза. 1992. №26. С.5.

³ ГАСО. Ф. Р – 4073. Оп.1. Д.3. Л.14

⁴ ГАПО. Ф. Р – 2414. Оп.1. Д.14. Л.54

⁵ ГАРФ. Ф. 327. Оп.2. Д.400. Л.64

⁶ ОФОПОГАПО. Ф.148. Оп. 1. Д.565. Л.19

⁷ ГАПО. Ф. Р – 2414. Оп.1. Д.14. Л.55

⁸ Там же. Ф. Р – 2038. Оп.1. Д.496. Л.128

⁹ ОФОПОГАПО. Ф.3447. Оп.1. Д.1. Л.6

¹⁰ Там же. Ф.3447. Оп.1. Д.1059. Л.10

¹¹ ГАСО. Ф. Р – 4073. Оп.1. Д.3. Л.12

¹² Там же. Ф. Р – 4073. Оп.1. Д.3. Л. Л.3-5.

THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN EVACUATED AND LOCAL POPULATION IN THE MIDDLE VOLGA REGION DURING THE WORLD WAR II

© 2010 V.V. Fedotov

Samara State Technical University

The article deals with the problems of evacuated people in the Middle Volga Region during the World War II. The author analyzes relations between evacuated and local population and reveals difficulties and contradictions in the social adaptation of refugees.

Key words: World War II, evacuation, evacuated people, inter-ethnic relations.